

В поисках лингвистических универсалий

Статья Вадима Дьячкова

Иллюстрация Тараса Дубова

Идея универсальности знания о языке связана с именем Ноама Хомского — великого мыслителя XX века, который известен своими работами в области лингвистики и политологии. Соответствующая парадигма, которая остается в целом доминирующей в западном языкознании, называется генеративной, или порождающей, лингвистикой.

Сам Хомский возводит свои идеи к наследию Платона и его теории эйдосов — идеальных образов вещей [Хомский 2005a]. Одним из следствий этих идей является предположение Платона о том, что знание о предметах изначально содержится в человеческой памяти, а всякое узнавание чего-либо было бы невозможно, если бы этих сведений изначально не было в сознании. Как мы увидим, подобное представление о природе владения языком присутствует в генеративной грамматике в не сильно трансформированном виде [Хомский 2005b].

Рассмотрим, в чем заключается основной посыл теории универсальной грамматики Хомского. Можно сказать, что он сводится к вопросу о том, является ли языковое знание врожденным, и он решается автором положительно. Главный аргумент Хомского всегда неизменен и выглядит скорее как вопрос: как ребенок, ни на каком уровне не владея языком с самого рождения, может так быстро выучивать любой, даже очень сложный язык?

Однако важно то, что этот вопрос ставится не на био-

логическом уровне. С биологической точки зрения, быстрое усвоение языка может быть связано, во-первых, с более быстрым образованием нейронных связей у детей, а, во-вторых, с геном языка (если таковой вообще существует). Однако Хомского и его последователей интересует вовсе не это. Скорость, с которой ребенок осваивает свой родной язык, — это только один аспект проблемы. Второй аспект — необычайное разнообразие мировых языков, на одном полюсе которого находится китайский язык, в котором нет вообще никаких привычных нам падежей, времен, залогов глагола и т.д., а на другом — языки вроде табасаранского (Северный Кавказ), в котором одних только падежей более 40. Однако сложность языка, по-видимому, совершенно не влияет на скорость его освоения ребенком. Табасаранский и китайский язык ребенок осваивает одинаково легко — при условии, что язык является для ребенка первым. (Для второго языка это, конечно, неверно.)

Как предлагает решить проблему Хомский? Хомский предлагает считать, что на самом деле все языки мира одинаковы по своей сути, а внешние различия между ними не так существенны, как кажутся. Что же является свидетельством глубинного сходства всех языков? Очевидно, что это не слова — в каждом языке одни и те же понятия выражаются совершенно разными словами. Это также не звуки, которые могут также иметь сильные отличия от языка к языку. По мнению Хомского, общим

для всех языков мира является синтаксис.

Эта идея породила представление о том, что при обучении родному языку ребенок уже имеет в голове готовую «матрицу», на которой «проставлены» все возможные значения параметров синтаксиса. Под параметрами синтаксиса подразумеваются различные явления — например, то, следует в языке прямое дополнение после глагола или предшествует ему, есть ли в языке возвратные местоимения (типа *себя*) или нет, должны ли глагол и подлежащее согласовываться в лице и числе, а также многое-многое другое. Итак, универсальная синтаксическая матрица в голове ребенка уже содержит в себе все эти параметры, а также все их возможные значения. Ребенку остается лишь самое малое — установить для себя правильное, характерное именно для его языка значение каждого параметра.

Почему освоение языка не происходит путем простого запоминания и выучивания? Безусловно, запоминание и заучивание тоже имеют место. Но только при запоминании лексики — поскольку в плане словарного запаса никакого универсализма не наблюдается. Энтузиасты, с восторгом подхватившие идеи Хомского в 1960-е годы, подсчитали, что для того, чтобы выучить все правила синтаксиса языка из «сырого», неструктурированного языкового материала, ребенку необходимо услышать не менее нескольких десятков триллионов предложений, что невозможно и является аргументом в пользу теории Хомского [Белянин 2004], [Слобин, Грин, 2006]. Гораздо легче анализ происходит, когда сама языковая структура уже известна ребенку — тогда процесс усвоения языка подобен установлению рычажков на механизме языка в правильные позиции.

Почему модель Хомского работает? Один из самых сильных аргументов в пользу этой теории — тот факт, что все люди обладают способностью различать правильные и неправильные предложения на своем родном языке, хотя никогда их не слышали (в силу того, что большинство порождаемых людьми высказываний абсолютно уникальны и никогда не были произнесены ранее). Это свидетельствует о том, что язык обладает неким интерпретирующим механизмом, который позволяет правильно распознавать значение высказываний. Допустим, если я произнесу фразу: *Каждый брадобрей знает, что бреет сам себя* — всякий говорящий на русском языке поймет, что фраза означает следующее: «Для любого брадобрея

из некоторого множества верно, что этот брадобрей знает, что этот брадобрей бреет сам себя». Мы никогда не сможем понять эту фразу в том смысле, что бреет сам себя кто-то другой, хотя подлежащего в придаточном предложении нет и мы теоретически могли бы подумать, что речь идет о ком-то еще. Например, в предложении: *Каждый брадобрей знает, что Платон бреет сам себя* — подлежащее есть, и поэтому никаких ошибок быть не может — ведь абсолютно ясно, что бреет сам себя Платон. В чем же дело в первом случае? Видимо, некая врожденная интуиция подсказывает нам, что подлежащее в придаточном предложении должно быть таким же, как в главном, и поэтому двусмысленности возникать не должно — как только мы слышим это предложение, мы автоматически соотносим подразумеваемое подлежащее глагола «брить» с подлежащим глагола «знать». Это происходит просто потому, что такие правила интерпретации и соотнесения прописаны где-то в той самой предполагаемой универсальной синтаксической структуре.

Универсальна эта структура еще и потому, что, несмотря на различия, многие правила синтаксиса действительно характерны для всех или практически всех языков. Рассмотренное выше правило, по-видимому, является универсальным. Другой пример универсального правила — это правила образования двойного вопроса, вроде *Кто что купил?* (Двойным этот вопрос называется потому, что в нем употребляются два вопросительных слова — «кто» и «что».) Так вот, исследования показали, что во всех языках, в которых эти слова нужно ставить в начале предложения, их можно ставить ровно в таком порядке. Ни в одном языке нельзя сказать «Что кто купил?» (по крайней мере, таких языков пока обнаружено не было). Самое интересное в том, что эта особенность может быть выведена из свойств самой синтаксической структуры (правда, на этом мы сейчас останавливаться не будем).

Чем плоха модель Хомского? Самый частый аргумент, выдвигаемый противниками теории генеративной грамматики, — ее неспособность объяснять данные вновь открываемых и описываемых языков. Действительно, изначально Хомский и его последователи ориентировались на материал английского языка, и теория универсального синтаксиса также опиралась на материал английского и других европейских языков. Однако в полном соответствии с концепцией Поппера о развитии любой научной теории, генеративная грамматика постоянно

претерпевает изменения вместе с накоплением эмпирических данных.

В генеративной лингвистике универсальная структура языка предстает в виде формальной модели синтаксиса, имеющей вид графического дерева, каждый узел которого имеет определенный ярлык. Сама идея универсальности состоит в том, что универсальна структура этого дерева. Естественно, что она пересматривается с каждым новым языком, данные о котором опровергают предшествовавшие представления. Закономерен вопрос: до какого предела может в принципе варьироваться эта структура?

Сама теория Хомского возникла как попытка разрешить кризис в лингвистике — к моменту появления генеративной лингвистики было описано огромное количество языков, вся работа лингвиста сводилась к придумыванию новых и оттачиванию старых способов описания, и идей Хомского было подвести разные, порой противоречащие друг другу структуры языков, к некоему общему знаменателю. Когда стало ясно, что языки мира действительно сильно отличаются друг от друга, было впору задаться вопросом: а возможно ли теоретическое осмысление в принципе разных языковых структур как единого целого, незначительным образом различающегося в своих конкретных проявлениях? Не приведет ли попытка подвести все к «общему знаменателю» к дроблению сущностей на столько или почти столько же классов, сколько их было до попытки выделения универсального?

В чем явные недостатки подхода генеративистов?

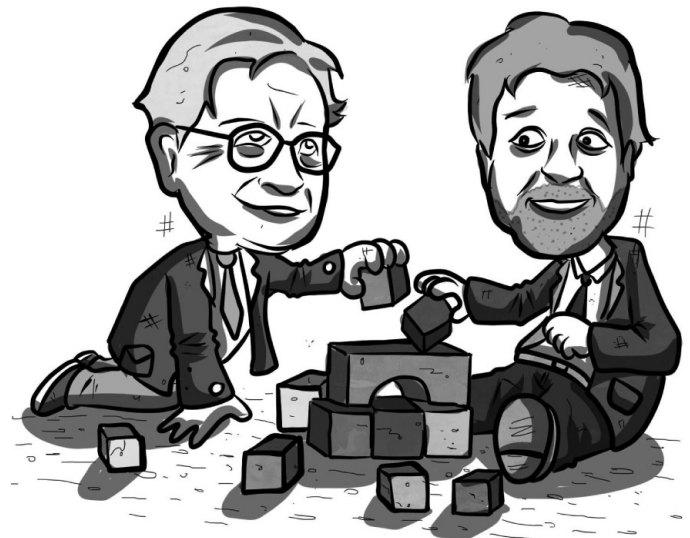
Во-первых, эта теория слишком явно увлекается синтаксисом. Плохо ли это? Количество открытий в синтаксисе, сделанных за последние 50 лет, несоизмеримо с предшествовавшей историей развития этой области — настолько очевиден прогресс. Однако язык — это не только синтаксис, не только правила составления высказываний из отдельных слов.

Лингвистика до Хомского базировалась на постулате великого швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра о том, что язык следует изучать как систему «в себе», что самое главное в языке — это характер отношений элементов языка (звуков речи, морфем, лексических единиц) между собой. Отношение языка к выражаемой им действительности никого не интересовало, объектом изучения были практически исключительно языковые структуры сами по себе. Хомский провозгла-

сил тезис о том, что лингвистика является одной из наук о мышлении. Если до этого лингвистику можно было определить как формальную, математизированную науку о языковых структурах, то теперь (благодаря стараниям Хомского) она должна была стать частью когнитивных наук, которые занимаются поиском особенностей познавательных процессов человека через описание универсального и вариативного.

К сожалению, на текущем этапе развития гуманитарной мысли языкознание еще даже не приблизилось к осмыслению универсализма синтаксиса и до сих пор занято по большей части описательной стадией. В этом смысле генеративизм недалеко ушел от идей Соссюра — ведь описание синтаксических структур тоже есть описание языка «в себе».

Во-вторых, генеративная лингвистика не преодолела механицизма представлений о языке. Ведь, согласно Хомскому, язык — это механизм, который порождает правильные высказывания и отсеивает все неправильные. Механицизм в принципе свойственен лингвистике, особенно отдельным ее областям. Например, в прикладной компьютерной лингвистике до сих пор адекватно не реализована идея машинного перевода. В связи с этим компьютерные модели языка уже не пытаются даже реконструировать то, как язык устроен «на самом деле», а ограничиваются просто вычислением релевантных



ответов на запрос пользователя. Механизм, распознающий правильные и неправильные высказывания, также является вычислительным. Современная формальная семантика (наука о языковых значениях) является также вычислительной наукой, для которой главное — «собрать» значение высказывания из составляющих единиц и записать его на языке математической логики. При таком подходе, естественно, не учитываются отличительные черты человеческого языка, которых нет, например, у языков компьютерных — юмор, ирония, наличие скрытых подтекстов и т.п. Например, описание блюда в меню «Друг Винни-Пуха (тушеный кролик в сметанном соусе)» формальный вычислительный механизм преобразует в набор предикатов, но наличие юмористического эффекта распознает только человек, обладающий знанием содержания книги Алана Милна.

Кроме того, сама идеология вычислительного механизма предназначена все же для грамматически правильных предложений. Вместе с тем мы знаем, что в разговорной речи люди не говорят правильными предложениями. Для разговорной речи характерно скорее даже, наоборот, повсеместное распространение обрывочных фраз, неправильных согласований и т.п. С этим лингвистика пока не умеет обращаться как следует.

А что, если никаких универсальных структур не существует? Ну, может быть. В конце концов, мы сами только что говорили о том, что синтаксис — это далеко не все в языке. Можно отвергать идею универсальности, и так уже делают, кстати говоря, давно. В науке есть теории лингвистической относительности в разных вариациях. Они утверждают, что адекватный перевод с языка на язык невозможен, а причина этого состоит в том, что носители разных языков принципиально по-разному воспринимают действительность — настолько сильно язык влияет на мышление. Однако на практике мы знаем, что перевод с одного языка на любой другой язык в принципе осуществим. Более того, констатация синтаксических различий в такой теории остается лишь констатацией и ничего не добавляет к нашему пониманию принципиальной возможности перевода с языка на язык.

Можно поступить более радикально и отказаться от идеи универсального синтаксиса, а вместо этого выдвинуть теорию, которая объясняла бы языковые различия. Интересные идеи такого рода есть, и они представляют собой попытки применить в языкознании

некоторые общие методологические положения других наук. Например, Марк Бейкер в своей книге «Атомы языка» проводит аналогии с химией и выражает надежду на открытие законов, которые могли бы исчислить все возможные языки, подобно тому, как таблица Менделеева описывает закономерности строения химических элементов [Бейкер 2008]. (При этом необязательно, чтобы «периодическая таблица языков» имела бы такой же вид — главное, чтобы были открыты законы взаимоотношения синтаксических параметров.) Есть и интересная теория Джоанны Николс, которая уподобляет развитие языков и появление различий между ними эволюционному биологическому процессу и закреплению мутаций [Nichols 1992].

Что опровергает идею врожденности? Неслучайно именно естественные науки служат «источником вдохновения» науки о языке. По мере понимания того, что язык — это не просто механизм вычисления правильных высказываний, на передний план выходит биологический аспект, который заключается в указании как раз на то, что язык используют живые существа, умеющие испытывать эмоции. Не так давно лингвистику перевернуло открытие языка пираха, которое поставило под сомнение многие положения лингвистики, раньше казавшиеся незыблемыми.

Этим открытием всемирная наука обязана Дэниелу Эверетту, лингвисту-миссионеру, который около 30 лет изучал охотников-сборителей в джунглях Амазонии, а результаты наблюдения над их языком изложил научной общественности в работе под названием «Культурные ограничения в грамматике и познании *пираха*: Альтернативный взгляд на творческие свойства человеческого языка» [Everett 2005]. В ней он обратил внимание на многие кажущиеся необычными факты. Так, наиболее известно отсутствие в пираха числительных и неспособность носителей языка определять счет предметов. Однако самое интересное состоит в том, что в пираха отсутствует казавшееся универсальным такое свойство синтаксиса человеческого языка, как рекурсия. Оно заключается в том, что на любом человеческом языке возможно построить сколь угодно длинное предложение, постепенно нанизывая на него зависимые члены: например, если у нас есть в распоряжении фраза «сын дяди», то мы можем также сказать и «дом сына дяди», и «крыша дома сына дяди», и «свойства крыши дома сына дяди» и т.д. — каждый раз полученное словосочетание

будет правильным (см. также [Everett 2009]). Ничего этого сделать в пирах нельзя, даже на первом уровне («дом брата»).

Возникает естественный вопрос: а вдруг все же конкретный язык может быть связан с мышлением или даже уровнем развития народа, на нем говорящего, да еще и таким образом, чтобы значительно влиять на грамматику? Общеизвестно, что даже языки народностей, которые европейцы считают примитивными, иногда устроены гораздо сложнее европейских. Отсутствие рекурсии в пирах — как раз еще один аргумент в пользу того, чтобы подойти к вопросу о языке с антропологической точки зрения. За описанием сходных структур должно все-таки следовать объяснение варьирования, и не факт, что это варьирование выводится исключительно из внутривидовых особенностей языка.

Кстати, как гласит легенда, Хомский, убежденный в обязательности рекурсии, отказал всерьез принимать взгляды Эверетта на пирах. Хотя при отсутствии упрямства с обеих сторон им точно было бы что обсудить.

Библиография

1. Everett 2005 — Everett D. L. Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language. // *Current Anthropology*. 2005. №76. P. 621–646.
2. Everett 2009 — Everett D. L. Pirahã culture and grammar: A response to some criticisms. Illinois State University, 2009.
3. Nichols 1992 — Nichols J. *Linguistic Diversity in Space and Time*. London / Chicago: University of Chicago Press, 1992.
4. Белянин 2004 — Белянин В. П. Психоллингвистика. Учебник. Из-во Флинта. 2004.
5. Бейкер 2008 — Бейкер М. Атомы языка. Грамматика в темном поле сознания. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
6. Слобин, Грин — Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. Хомский и психология. М.: Едиториал УРСС, 2004.
7. Хомский 2005a — Хомский Н. Картезианская лингвистика. М.: КомКнига. 2005.
8. Хомский 2005b — Хомский Н. О природе и языке. М.: КомКнига. 2005.

